

С.И. Кормилов

Личность и толпа

Лермонтов сразу прославился стихотворением «Смерть поэта» (1837), получившим распространение в списках. Дважды заявив про «жажду мести» («мщенья») своего героя, Лермонтов воплотил, конечно, собственное представление о двух последних днях жизни Пушкина, но сущность общественного конфликта, завершившегося гибелью первого гения России, вскрыл со всей определенностью. Непосредственный убийца поэта, упоминаемый один раз, — ничтожество («что за диво?...»), жалкое орудие; «Свободы, Гения и Славы палачи» — это многоголовая светская толпа, толпа раболепствующая, для которой был нетерпим сам факт существования совсем другого невольника — «невольника чести». В четырех словах первого же стиха концентрируются четыре важнейшие темы лермонтовского творчества: здесь и смерть (насильственная), и бессмертный поэт, и неволя, и честь.

Толпа в свою очередь является орудием судьбы, в которой отсутствует разумное начало. Бог не имеет отношения к этой судьбе. Он будет судить беспристрастным судом виновных. Поэт же напрямую соотносится с Христом:

...они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него...

Лаврами увенчивали в Риме выдающихся поэтов. В данном случае подчеркивается злобное лицемерие палачей Славы: лавры не мешают «иглам тайным» наносить поэту раны, тоже оказывающиеся тайными. Автор делает явной подоплеку убийства, дает убийцам социально-историческую, а не только нравственную характеристику: «надменные потомки / Известной подлостью прославленных отцов» — это новая, послепетровская знать, сделавшая карьеру в ущерб знатным родам, обиженным «игрою счастья», то есть опять-таки судьбой, роковыми случаями. «Подлые» — значит не только морально низкие, но и люди низкого происхождения (здесь — относительно низкого). Николай I особенно не доверял независимой старинной знати, из которой вышли многие декабристы. Пушкин гордился своим шестисотлетним дворянством и светскую «чернь» оценивал весьма сурово. Но — редчайший случай в жанре оплакивания — Лермонтов упрекает и его, якобы доверившегося «клеветникам ничтожным». Пушкин погиб, однако противостояние поэта, независимой личности, и подлой толпы с этой смертью не прекратилось. Автор дважды обращается прямо к гонителям поэта («Не вы ль сперва так злобно гнали...» и заключительные 16 строк), говорит о них и в третьем лице. Мы видим продолжение неравного поединка — одного против всех. Пока Лермонтову он стоил только свободы. Припомнилось это ему и позднее.

«Смерть поэта» композиционно делится на три части. Инвективы первых 33 строк сменяются элегическим тоном следующих 23. Их меньше, но они длиннее: 4-стопный ямб вытесняется вольным с обилием 6-стопных стихов. Здесь судьбу Пушкина предваряет судьба его героя. В нем однозначно узнается Ленский, хотя вообще никаких имен в стихотворении нет. В финале строк еще меньше, чем во второй части, зато вернувшаяся обличительная интонация достигает особого накала. Последняя, вновь укороченная, строка определяет кровь жертвы дуэли как праведную в противоположность «черной крови» врагов поэта.

<...>